



НАСЛЕДИЕ

На Старую Басманную, к Василию Львовичу

Приближающийся юбилей - 200-летие победы России в войне с наполеоновскими войсками - Москва готовится отметить не только множеством мероприятий. В программу подготовки к знаменательному событию входит и проведение в порядке памятного исторического и культурного наследия, переживших огненную стихию, сохранившихся со времен послепожарной Москвы, когда началось возрождение «коренного России града».

Руководитель Департамента культурного наследия Александр Кибовский рассказал, что сейчас в разной стадии реконструкции и реставрации находится порядка 50 объектов культурного наследия. «Но мне особенно дорог дом, где жил Василий Львович Пушкин. «Писатель нежный, тонкий, острый. / Мой дядюшка. Парнасский мой отец», - писал о нем его великий племянник Александр Пушкин. Объект вроде бы небольшой, но знаковый для Москвы».

Зданий, устоявших в огне, в течение нескольких дней сентября 1812 года пожаром город, осталось немного. В основном богатые каменные особняки и храмы. Но и деревянные постройки послепожарной Москвы можно пересчитать по пальцам. Не пощадили их и последующие столетия, они погибли в строительном буме. Поэтом можно назвать даром судьбы, что в бывшей немецкой слободе до наших дней сохранился этот небольшой ничем не примечательный с девяти окнами на улицу и с антресолями со двора обширный тесом дом. Такие особняки в стиле московского ампира поднимались на старых фундаментах домов, сгоревших во время наполеоновского нашествия. Но для москвичей этот дом имеет не только архитектурную, но и непреходящую культурную ценность.

Василий Львович, поселился здесь в 1824 году, за шесть лет до своей кончины, и с тех пор дом стал одним из культурных центров города, где перебивалась вся литературная Москва, которая хозина хорошо знала и любила. И он знал и любил родной город, участвовал во всех событиях московской жизни.

Василий Львович был истинно московским жителем. Москву покидал только для непродолжительной службы в лейб-гвардии Измайловского полку да на время путешествия по Европе. Побывал в Германии, Англии, Франции. Париж ему понравился более всего. Николаю

Михайловичу Карамзину, который был его близким приятелем и которого Василий Львович почитал, он писал о своем впечатлении от французской столицы. «Французски искренни и любяты иностранцы. Красавиц везде много, но должно признаться, что нигде нет столь любезных женщин, как во Франции». Представили его и Наполеону Бонапарту, тогда 1-му проконсулу. «Физиономия его приятна, глаза полны огня и ума; он говорит складно и величье», - передавал свое впечатление Василий Львович.

Из Парижа Пушкин вер-



нулся одетый с парижским шиком и с величественной библиотеккой, которой завидовали такие собиратели уникальных коллекций, как граф Бутурлин. Книжки были страшно дорогие Василия Львовича. Он и умер, по рассказам, держа в руках томик Беранже.

Война с Наполеоном и пожар Москвы стали для Пушкина страшным ударом. В одночасье он потерял все: мебель, дрожжи, драгоценное свое сокровище - книги. Едва успев вынести из горящего дома двух своих малолетних сыновей.

Так налегке он и прибыл в Нижний Новгород, который радушно принимал беженцев из сожженной Москвы. По Нижнему Василию Львовичу ходил по морозу без шапки, но не унывал, сочинял стихи, в которых пророчил освобождение России и возрождение перепороченной столицы: «Примите нас под свои покровы! / Питомцы волжских берегов! / Примите нас, мы все родные! / Мы дети матушки - Москвы! / Москва восстанет! / Она и в бедствиях слава! / Погибнет он! Бог русских грянет! / Россия будет спасена».

В родной город Василий Львович вернулся сразу же после оставления его французами и увидел, как-то разоренно он подвергся. Но повсюду застучали топоты, стали возводиться новые дома. Пушкин поселился в Басманной части. «Какая радость, любезнейший Александр Иванович! - писал он своему приятелю Тургеневу. - Какая слава для России! Никакие слова не могут изобразить то, что я чувствую в сердце моем. ... Москва красуется бедствиями своими, и на нее должны обращать взоры всей Европы».

Взятие Парижа древняя столица праздновала особенно пышно. «У нас вы были. Ныне мы же / С визитом к вам. У вас мы здесь / ... Мы сочиним для вас куплеты, / Но городу не быть в огне. / ... За храмы вы не беспокойтесь. / Там не поставим лошадей. ... Да будет мир», так приветствовал Василий Львович это событие.

Когда Василий Львович приобрел дом на Старой Басманной, 36, в своих комнатах он гостеприимно принимал Вяземского, Мицкевича, Дельвига, Давыдова. Обязательно приходил к дядюшке во время приездов в Москву и племянник Александр Сергеевич. В детстве будущий великий поэт много времени проводил в бесценной библиотеке Василия Львовича, присутствовал при беседах, которые шли в доме. В 1811 году Василий Львович увозил племянника в Петербург для поступления в лицей. Дядю и племянника связывали нежные чувства. Александр Сергеевич любил своего «дядю и на Парнасе», хотя и посмеивался над ним. Оба были членами литературного общества «Арзамас». А через девятнадцать лет из дома на Старой Басманной великий поэт проводил своего дядюшку на кладбище Донского монастыря, идя пешком за гробом всю дорогу. Последние стихи Василия Львовича были написаны любимому племяннику, перед чьим великим даром он преклонился.

Дом на Старой Басманной сохранился чудом и

почти без переделок. Дело в том, что он никогда не принадлежал богатым и в нем не было такого ремонта, который мы сейчас назвали бы «европейским». Последняя переделка по документам была выполнена в 1890 году. С тех пор проходили только незначительные перестройки и ремонты. После революции здесь были коммунальные квартиры, потом ЗАГС, проектное учреждение. На дом никто не зарился. Своего рода охранной грамотой служила мемориальная доска с надписью, что здесь жил Василий Львович Пушкин. Официально же здание было взято под охрану только в конце 90-х годов прошлого века. Дом, являющийся памятником исторического и культурного наследия, требовал приведения в порядок, реставрации. Однако, несмотря на многочисленные обещания на самом высоком уровне, так ничего и не произошло. «И только в прошлом году, когда была утверждена программа по сохранению объектов культурного наследия», - рассказывает Александр Кибовский, - объект на Старой Басманной было решено реставрировать».

К радости исследователей в здании сохранилось немало подлинных деталей, и это позволяет восстановить особняк в том виде, когда там жил Василий Львович Пушкин и куда пригласит московской Государственный музей А. С. Пушкина на Пречистенке. Дом на Старой Басманной станет его филиалом. Научные сотрудники музея уже много лет работают над будущей экспозицией, собирая уникальные материалы. Они хотят, чтобы в нем была воссоздана живая атмосфера гостеприимного московского дома, его неповторимая интеллектуальная среда. Реставрационные работы проводятся под наблюдением Департамента культурного наследия. На них из городского бюджета выделено 77 миллионов рублей. Еще 25 миллионов предназначено для формирования экспозиции и отделки интерьеров.

В этом году, - сообщил Александр Кибовский, - мы закончим там все основные реставрационные работы, а на будущий год, к дню рождения Александра Сергеевича Пушкина, постараемся открыть двери этого удивительного дома для посетителей, чтобы рассказать москвичам о замечательном человеке, который здесь жил, о его гостях, составлявших славу нашей отечественной культуры. О событиях того славного для россиян времени.

Нина БАТАЛОВА.

СВИДЕТЕЛЬСТВА

Ошибка Наполеона

Он вступил войной в страну, не имея понятия ни о нравах, ни о характере русских. В Египте, например, он оказывал столь почтительное почитание магометанству, что можно было ожидать его перехода в эту веру. В Италии, Австрии и Испании - везде он покровительствовал местному духу религии и казнил свототцев. Но в Москве он точно не знал, что и русские привязаны к своей вере, он не обратил внимания на то, как глубоко почитали русские своих святых, как дороги для них церкви и важен сан священника. Едва ли он признавал их за христиан. И что же вышло? Не предупредив войска строгими приказами иметь должное уважение к церквам, иконам и духовенству, он навлек этим упущением ненависть народа на французов. В глазах русских они хуже мусульман, потому что обращали церкви в конюшни. Зато уже горе французам, когда он попадался в руки народа, жаждавшего мести! Таких жертв было множество.

Де ла Флиш.

ДОКУМЕНТЫ

Из приказа Кутузова по армиям

19 октября 1812 г.

Неприятель, с самого вступления его в Москву жестоко обманутой в своей надежде найти там изобилие и самый мир, должен был претерпевать всякого рода недостатки. Утомленный далекими походами, изуродованный крайности скудным продовольствием, трежимым и истребленным повсюду партиями нашими, кои пресекли у него последние средства доставать себе пропитание посредством сбора от земли припасов, потеряв без сражения многие тысячи людей, побитых или взятых в плен отдаленными нашими отрядами, и земскими ополчениями, не усматривая вперед ничего другого, как продолжение ужасной народной войны, способной в краткое время уничтожить всю его армию; видя в каждом жителе война, общую непреклонность на все его обещания - решимость всех сословий грудно стоять за любезное отечество; претерпев 6-го числа октября при учиненной на него атаке сильное поражение и постигнув, наконец, всю суестьность дерзкой мысли одним занятием Москвы поколебать Россию, предпринял на посешное отступление вспять, бросив на месте большую часть своих, и 11-го числа сего месяца Москва очищена.

СУДЬБЫ

Артиллерист и ботаник



Артиллерия и ботаника, не правда ли, странное сочетание? А если сюда добавить живопись, литературное творчество, поэзию? И все это в одном человеке - Илье Тимофеевиче Радожицком, участнике Отечественной войны 1812 г., почетном члене Московского общества испытателей природы.

С одной стороны, он принял участие в многочисленных войнах и дослужился до звания генерал-майора, с другой - оставил после себя фундаментальный труд по ботанике и более полутора тысяч акварельных рисунков растений. По его литературным произведениям можно изучать историю военных действий России в первой половине XIX века. Повесть в стихах, где воспевают героя черкесского народа, против которого он воевал и одновременно восхищался им. Для полноты картины сюда можно добавить его административную деятельность в качестве директора тульского военного завода.

Кто он на самом деле, военный или писатель, ботаник или художник, а может быть, поэт? Стрельба из орудий - это по большому счету разрушение, уничтожение, душа при этом черствеет, ожесточается. Тогда как среди растений с мольбертом в руках она отдыхает. Литературное творчество и поэзия - это не что объединяющее все это. Наверное, правы те, кто утверждает: «Талантливый человек талантлив во всем».

И. Т. Радожицкий (1788 - 1861) начал военную службу подпоручиком и за 44 года дослужился до генерала, несмотря на то, что происходил из «бедных». О его литературных успехах можно судить хотя бы по тому, что он дружил с А. С. Пушкиным, с которым он познакомился на Кавказе, о его книгах упоминал в своих статьях Н. В. Гоголь. Л. Н. Толстой использовал рассказы, записки и статьи И. Т. Радожицкого при описании Бородинского сражения в «Войне и мире».

И. Т. Радожицкий закончил с отличием обучение в Императорском военносиротском доме (последствия Павловский кадетский корпус, а ныне Военная инженерно-космическая академия имени А. Ф. Можайского) и получил в 18 лет звание подпоручика. В этом училище обучались дети

обедневших дворян, офицеров и солдат, погибших в различных войнах. Так что царское правительство не бросало на произвол судьбы детей своих защитников. Воспитанников обучали русскому и немецкому языкам, артиллерии, фортификации, истории, географии, математике, рисованию и др. По окончании курса только отличникам присваивались офицерские звания, тогда как остальные выпускались в армию юнкерами. Солдатских детей обучали в основном специальных ремеслах, необходимым в армии.

Его военная служба началась в Херсонском артиллерийском гарнизоне. В 1810 г. он был произведен в поручики, в 1812 г. - в капитаны, а в 1819 г. - в подполковники. И. Т. Радожицкий не только участвовал в сражениях, но и принимал участие в разведке, в 1813 г. сражался при г. Бауцене (Саксония), в битве народов под Лейпцигом, за что дважды был награжден орденом св. Владимира 4-й степени. В 1814 г. за отличие в сражении под Парижем произведен в штабс-капитаны, в 1817 г. - в капитаны, а в 1819 г. - в подполковники.

И. Т. Радожицкий несколько раз отправляли в отставку, однако когда стране требовались артиллеристы, его опять призывали в армию. В результате И. Т. Радожицкий принимал участие в Русско-персидской и Русско-турецкой войнах, в войне против горцев на Кавказе, в Средней Азии. В 1831 - 1835 г. выполнял обязанности директора Тульского оружейного завода. В 1835 г. за отличие по службе произведен в полковники и пожалован орденом св. Георгия 4-го класса. В 1850 г. И. Т. Радожицкий был произведен в генерал-майоры и уволен в отставку.

О его участии в военных действиях указывают написанные им литературные произведения. Многие из его статей публиковались в различных журналах, но большая часть - в журнале «Отечественные записки». В последующем статьи были переизданы отдельными книгами.

В «Походных записках артиллериста с 1812 по 1816 гг.» И. Т. Радожицкий пишет: после сражения под Витебском и Смоленском в русской армии царил глубокий уныние. Однако после назначения главнокомандующим М. И. Кутузова армия была не узнать. В ней происходило всеобщее ликование, офицеры и солдаты поздравляли друг друга с этим событием. Они верили в своего главнокомандующего. Стали слыш-

ны в биваках песни и музыка, чего давно не бывало. Присутствие Кутузова воскресило дух во всех войсках. Тогда же в армии появилась поговорка «Приехал Кутузов бить французам». Солдаты ему верили, даже когда главнокомандующий отдавал приказ оставить Москву.

Вот как описывает И. Т. Радожицкий отдельные эпизоды Бородинского сражения: «Я видел, как наша пехота в густых массах сходилась с неприятельской; видел, как, приближаясь одна к другой, пукали они батальный огонь, развертывались, рассыпались и, наконец, исчезали; на месте оставались только убитые. Пехота неприятельская лежала на все стороны и была прокидываемая штыками русских в ров, который наполнялся трупами убитых; но свежие колонны заступали места разбитых и с новой яростью лезли умирать; наши с равным ожесточением встречали их и сами падали с врагами».

И. Т. Радожицкий был артиллерийским младшим офицером (поручик), поэтому он описывает частные случаи баталей, однако, несмотря на это, было видно, с каким остервенением происходила битва. «Пушечные выстрелы были так часты, что не оставалось промежутка в ударах: они продолжались беспрерывно, подобно раскату грома». Он описывает, как адра сбивались в воздухе, разлетаясь на мелкие осколки и поражая своих и чужих.

Это было грандиозное сражение, когда всего за несколько часов погибли десятки тысяч солдат русской и французской армий. Несмотря на кровопролитие, как описывает Радожицкий, настрой в армии был боевой. К примеру, взяв в плен французского генерала, а тот, чтобы, не дай бог, не убили, сказал, что он король. Гренадер притащил его к Кутузову, за что главнокомандующий здесь же, на поле битвы, наградил генерала орденом Святого Георгия. Один из офицеров поспал на лошади перед укреплениями русской армии и радостно криком: «Короля взяли в плен». Он сильно картавил, поэтому его возглас вызвал смех у всей армии. Он радостно кричал, а солдаты хохотали. Это происходило после очередной страшной атаки, когда редуты многократно переходили от одних к другим, а рвы были заполнены трупами.

Сражение закончилось, Кутузов принял решение отступить, хотя армия была готова биться до последнего.

Окончание на 2-й стр.

ДАЛЕКОЕ - БЛИЗКОЕ

Вослед французам явился арап с дружиной

Больница Странноприимного дома вблизи Сухаревской башни была основана графом Николаем Петровичем Шереметевым в 1803 году, получившим на ее открытие 21 апреля того же года высочайшее одобрение. Экскурсантам и гостям столицы часто показывают на Большой Сухаревской площади старинное здание больницы, исполненное в плане в виде подковы. Москвичи знают этот дом как одно из административных помещений Института скорой помощи имени Н. В. Склифосовского.

Начальство в спешке разъехалось

Из истории создания Странноприимного дома известно, что для закладки здания учредитель приказал очистить от всяких построек принадлежащую ему землю вблизи Сухаревой башни. Строительство на местности, носившей название Черкаские ого-

роды, было серьезной заботой и продолжалось несколько лет.

Странноприимный дом открывался через полтора года после смерти Н. П. Шереметева - в день его рождения, 28 июня 1810 года, хотя граф планировал торжество на дату кончины супруги - 23 февраля. Вся работа этого учреждения стала примером по части создания в стране народной благотворительности.

Через два года после того открытия богадельни, больницы и другие помещения Шереметева, как и большинство московских строений, попали под разорение со стороны французского неприятеля.

В августе 1812 года, по распоряжению Совета Странноприимного дома, прием в больницу был прекращен, а больные и богатые люди в большом своем количестве были распузданы из этого заведения. Чиновники, доктора и духовенство в спешке разъеха-

лись во имя собственного спасения.

Надо отметить, что больница Шереметева сразу после Бородинского сражения производила медицинскую помощь раненым русским офицерам. Почти всех их вывезли отсюда буквально за несколько часов до вступления французам в город. Из obsługi в больнице остались: канцелярский служитель, больная кастелянша, швейцар, сидельники, сиделки, прачки и рабочие.

Церковная ризница, многие ценные вещи заведения были спрятаны: их положили в подвал и заложили кирпичом. В дальнейшем, как по счастью оказалось, они остались в целости.

Сохранились сведения о том, что, когда началась все московский пожар, французы тушили огонь в горящих шереметевских больничных флигелях, а после ликвидации пожара они привели здание в относительный порядок и заняли его своими ранеными и больными.

Прислуга Странноприимного дома была оставлена для проживания на своих квартирах. Больных иностранцев разместили в главном корпусе: вверху, внизу и в двух залах. По большей части эти «гости» лежали на полу, на соломе, в нескольких рядах, так что ко многим из них было трудно подойти. Но их лечили так же старательно, как и русских.

Французы не обижали русскую прислугу, получавшую за уход, по распоряжению французского капитана Савари (управлявшего тогда заведением) содержание.

Хотя с французами можно было иметь простые отношения, жизнь здесь осенью 1812 года не обошлась без обстрелов. Подробности о событиях можно узнать из описания, затерявшегося среди многих пожелтевших архивных документов.

Расскажу один эпизод, в котором главным героем выступил аптекар Гельвинг, имевший в больнице стаж работы до момента вхо-

ждения Наполеона в Москву один год и три месяца.

С выгодой от баварцев

Поскольку с начала XIX века Шереметевский Странноприимный дом находился под покровительством императрицы Марии Феодоровны (вдовы Павла I), после освобождения Москвы от неприятеля аптекар обратился к ней с письмом в Санкт-Петербург. В этом письме было изложено положение дел, касавшихся аптеки при Шереметевском доме и в целом всего учреждения.

Гельвинг писал, что при отступлении из Москвы русских войск все начальники покинули это заведение, он же «оставался в нем безотлучно во все время неприятельского там пребывания, имея при том попечение по долгу и состраданию об оставшихся Российских раненых офицерах и о 32 бедных в богадельне, находившихся без всякого призрения» (слова «Россий-

ские раненые» этот ученик Эскулапа везде прописывал только с большой буквой). Когда служители, отвечавшие за провизию, отказывались выдавать питание нашим раненым и бедным («хотя еще достаточной запас находилась»), аптекар Гельвинг вынужден был делиться своими продуктами с немощными.

Поначалу французы, войдя в Москву и приняв Странноприимный дом за частное владение, совершили на него набег. Вышедший к ним аптекар объяснил назначение солдат от безудержного его разорения. Однако предотвратить частичное расхищение некоторых вещей было невозможно. В числе наиболее ценных вещей предприниматель аптекар спрятал столовые часы, стоявшие в Совете дома, а также и «электрическую машину».

3 и 4 сентября были чрезвычайно опасными для здания и всех, в нем находив-



шихся. Пламя, охватившее окрестные дома, своей яростью угрожало и Шереметевскому дому.

Теперь аптекар практически взял на себя выполнение начальных функций в учреждении. Он решил вывести всех больных и немощных в дворовый сад. Одновременно с тем неприятель, тоже спасаясь, оставляя здание, решил немого-немало пограбить в доме. Были прихвачены: 291 рубль казенных денег, золотые часы и личные деньги аптекаря (168 рублей).

Окончание на 2-й стр.

Музей

«Спасение России в армии... Я приказываю отступление»

Эти слова фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов прозвучали в известной «Кутузовской избе» в Филях, где проходил Военный совет, решавший военный вопрос: «Выгоднее ли рисковать потерей армии и Москвы, приняв сражение, или отступить?» Сегодня «Кутузовская изба» относится к музею-панораме «Бородинская битва», и к юбилею Отечественной войны 1812 года она заметно обновлена.

После Бородинского сражения русские войска отступили от Бородина, по Можайской дороге отошли к Москве и стояли лагерем недалеко от Дорогомиловской заставы. Главная квартира располагалась в Филях, а сам главнокомандующий остановился в избе Михаила Фролова. Здесь 1 сентября и был созван Военный совет. Фельдмаршал Кутузов понимал, что защищать Москву нет возможности, позиция явно невыгодная и нет веры в победу. Это признавали даже солдаты и поэтому не могли идти в атаку с французскими сраженными в поразении. Принять решение должен был Кутузов. Он был убежден: Москва долж-

на быть оставлена, войска должны отступить, и ему надо отдать такой приказ.

Таким образом, «Кутузовская изба» связана с ключевым событием Отечественной войны 1812 года. Вопрос о том, дать ли неприятелю новое сражение или отступить первоначально без боя, был действительно в те дни ключевым. Мнения присутствующих на совете военачальников разделились. На защите Москвы настаивал генерал от кавалерии, граф Леонтий Беннигсен. С его мнением были согласны генералы Ермолов, Дохтуров и Раевский. Но многие говорили же не о Москве, а о том направлении, которое должна выбрать русская армия при отступлении. Завершая спор, М. И. Голенищев-Кутузов заявил: «С потерей Москвы не потеряна еще Россия, главное своею задачей я ставлю сохранение армии. Приказываю отступить!».

Несколько страниц в романе «Война и мир» Лев Николаевич Толстой уделил Военному совету в Филях. Описывая избу мужика Андрея Савостьянова, введя в повествование его шестилетнего внука Машушу, Лев Николаевич характеризует каждого участника, прибывающего

на совет. Но главное внимание приковано, конечно, к фельдмаршалу Кутузову, которому было очень не просто отдать приказ об отступлении. Выслушав мнения генералов, главнокомандующий высказал свою точку зрения и приказал отступить.

Представители разных слоев населения Российской империи не могли не испытывать горечь и боль при потере Москвы. И все-таки многие считали шаг, предпринятый Кутузовым, стратегически верным решением, способным переломить ход военной кампании и привести к победе. «Нам зарево Москвы осветит путь к Парижу!» - писал поэт Н. Ф. Остолопов. И это пророчество оказалось верным, так же, как и слова главнокомандующего российскими армиями М. И. Голенищев-Кутузова, сказанные во время его пребывания в Филях: «Вы боитесь отступления через Москву, а я смотрю на это, как на providение, ибо оно спасает армию. Наполеон подобен быстрому потоку, который мы сейчас не можем остановить. Москва - это губка, которая всосет его в себя».

После окончания Отечественной войны 1812 года в доме крестьянина Михаила

Фролова бережно сохранялись все предметы обихода, которые находились в избе во время Военного совета - стол, лавки, иконы... В 1812 году деревня Филя принадлежала обер-егермейстеру и действительному камергеру Д. Л. Нарышкину. В 1854-м уже другой владелец Филей Э. Д. Нарышкин перенес деревню ближе к селу Покровскому, но избу, где проходил Военный совет, оставил на прежнем месте. После того как в мае 1868 года избу обгорели, Э. Д. Нарышкин, желая «сохранить остаток памятника нашей истории», решил передать его в дар Московской городской думе. Но 7 июля 1868 года случился пожар, и изба почти полностью сгорела. Тем не менее Москва с благодарностью приняла дар. Была оформлена купчая, по которой помещик получил от городских властей символическую сумму, которую тот час же пожертвовал на благотворительные цели.

Через пятнадцать лет, в 1883 году, на том месте, где находилась изба, был установлен памятник. Это было предложение Общества офицеров гвардейского корпуса, которое выделяло необходимые средства. А еще через три года, в



1886-м, по инициативе и на средства Общества хоругвеносцев храма Христа Спасителя и с согласия Московской городской думы был построен новый дом - «Кутузовская изба». Он сооружен по проекту архитектора Д. М. Струкова. В доме был организован музей и приют для четверых инвалидов. В 1887 году состоялась освящение воссозданной избы.

В годы советской власти музей в «Кутузовской избе» сохранился до 1929 года. Затем он был закрыт. 25 марта 1943 года по постановлению Московского областного совета депутатов музей «Кутузовская изба» был вновь открыт, став филиалом Бо-

Судьбы
Артиллерист
и ботаник

Начало на 1-й стр.

Необходимо отметить, что все это пишет не историк, мемуарист, генерал, а младший офицер, который находится среди простых солдат на переднем крае сражения.

Это была страшная битва, когда убивали друг друга штыками, смотря в глаза неприятелю.

Недаром один из самых честолюбивых людей того времени император Наполеон впоследствии писал: «Французы показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми».

На отдыхе у костра солдаты рассказывали друг другу байки прошедшей битвы, некоторые фантазеры призывали, что вызвало смех у слушателей. Один гвардеец утверждал, что собственными глазами видел, как неприятельское ядро залетело в нашу пушку. Слушатели потешались над ним. Это опять же указывает на высокий моральный дух армии, несмотря на большие потери.

Битва закончилась, армии разошлись. Несмотря на отступление, русские солдаты не признавали своего поражения. В качестве доводов они приводили следующее: французы, дескать, первые прекратили пушечную стрельбу, они отошли от поля боя дальше, чем русские, не могли взять такой-то редут, а если и взяли, то опять были отброшены. Это были разговоры простых солдат. У генералов одни критерии победы или поражения, а у солдат свои.

1814 год, Наполеон повержен. Русская армия в составе коалиции вошла в Париж. До этого французская пресса рассказывала всяческие небылицы о солдатах русской армии, описывая их варварами, питающимися человеческим мясом, а казаков - бородатыми циклопами.

Парижане и парижанки увидели российский гвардеец - красивых офицеров, щеголей, образованных и прекрасно владеющих французским языком. Оборванный солдат в город не пустили. В марте 1814 года состоялась парад союзных армий, где русские войска показали

себя в полном блеске. Императора Александра I сопровождала свита из тысячи генералов и офицеров. Армия, солдаты, которые одержали победу, остались за пределами города.

Среди естествоиспытателей И. Т. Радожицкий известен как ботаник. Главнейший его труд - рукопись «Всемирная флора» в 15 томах большого формата, с атласом на 730 листах и с 1600 превосходными акварельными рисунками растений, с подробнейшим анализом их органов.

Радожицкий занимался ботаникой более 30 лет. Ему пришлось проанализировать иностранные публикации по ботанике на французском, немецком, латинском и английском языках. И это все, образно можно сказать, в перерывах между стрельбам. В результате он написал курс общей ботаники с новыми терминами на русском языке. Затем, увлекшись сочинениями французского ботаника Ф. В. Распайля, разработал свою классификацию растений, обработкой которой занимались многие годы. Он занялся подготовкой обширного труда «Всемирная флора». Такой фундаментальной работы по ботанике в то время в России не было. Поэтому директор Московского общества испытателей природы А. Г. Фишер фон Вальдгейм предложил Радожицкому опубликовать эту работу за рубежом, однако тот не успел это сделать. В 1861 г. он умер в Воронеже и похоронен в Девичьем монастыре. Оставшаяся после Радожицкого обширная библиотека с 15 тысячами рукописей и рисунками поступила по его завещанию в библиотеку Московского общества испытателей природы, где и хранится.

Именем И. Т. Радожицкого назван новооткрытый вид растений *Radojitskya sarpensis* Turcz. Это растение из семейства *Thymelaeaceae* Jess - волчниковые и произрастает в Южной Африке. К этому семейству относится также кустарник волче лысок, произрастающий в наших лесах.

А. П. САДЧИКОВ,
профессор МГУ имени М. В. Ломоносова,
вице-президент МОИП.

ДАЛЕКОЕ - БЛИЗКОЕ

Вослед французам
явился арап с дружиной

Начало на 1-й стр.

Аптекарь старался этому препятствовать. И если это не удавалось, он уступал места лишь для больных немецких баварских офицеров, входивших в состав Наполеоновской армии. В том была определенная выгода, поскольку немецкие офицеры приносили в больницу свои собственные продовольственные припасы, часть которых использовалась также и для русских. Правда, когда в больницу «сунулось французское командное начальство, оно выставило баварцев под тем предлогом, что здешние палаты ранее уже были зарезервированы» именно французам.

На несчастье, в Странноприимный дом явился Главный французский армейский аптекарь и потребовал «немедленно осмотреть врачебную мастерскую». Он стал вынуждать русского аптекаря отдать ему ключи от принадлежащих приютской аптеке комнат, на что встретил полный в том отказ. Тогда этот французский начальник, приказав сломать дверь, ворвался в аптекарские владения.

Герой-россиянин, несмотря на насилие, продолжал настаивать на том, чтобы аптека была оставлена неприкосновенной, в прежнем порядке. Потом этот договор по большей части до самого выезда французам из больницы соблюдался, хотя - и с некоторыми убытками. Но аптекарь оказался «не лыком шитый». Он, в полагание случившегося ущерба приюта, взял да и припрятал «некоторые материалы противника». Какие конкретно, Гельвинг в своем письме императрице не сообщил.

7 октября неприятель готовился к выезду из больницы, которую вместе со всем двором французы предположили взорвать. Большинству двору не удалось избежать уничтожения, но дом уцелел. После такой неудачной попытки французы разом не выехали (как предполагал самонадеявшийся временный начальник больницы). Некоторые остались еще на время. По словам аптекаря к Марии Феодоровне, неприятель «произвел новые бесчинства здесь». Например, в коридорах дома-подковы были поставлены верховые лошади. Французы хотели везти животных даже в домовую церковь святой Троицы. Но аптекарь никак их просил не делать этого, чем и спас церковь «от поганого богохульства».

Через четыре дня, 11 октября, французы чрезвычайно быстро стали собираться вicosия, и дом освободился от постоя. Однако случилась новая беда, откуда ее вовсе не ждали.

Вынудили стрелять

При больнице проживал некий арап, который почему-

то вдруг объявился сразу после выезда французам. Арап подговорил разных случайных городских мужиков таскать из больницы тюфяки, перины и прочие вещи. Произведя ужасный шум во дворе, эти люди перешли к открытому грабежу.

Гельвинг старался запереть все двери, но арап с легионом своих помощников выломал их сначала в лаборатории. Чужие люди (которых справедливо можно назвать мародерами) вошли вовнутрь. Аптекарь (одновременно являющийся и функцией кладовщика) знал, что в лаборатории находились припрятанными: 19 ведер вина, 5 пудов меда, несколько ведер спирта, мази и приготовленные лекарства для раненых.

Оценив ситуацию, целеустремленные и усердные служители «были вынуждены сделать несколько выстрелов в народ», вернее - в тот пришедший бесшабашный сброд. Однако, наоборот, это ввело налетчиков в ярость и озлобление. Грабители быстрым порядком стали передвигать тюфяки в мешки для поклажи на ворованной добычи и продолжали делать свое черное дело.

Когда мародеры из приюта ушли, аптекарь обошел все помещения, где они помалому лопали двери. Он недосчитался нескольких бочонков меда, спирта, прованского масла и около 46 фунтов хины. Двери починил сам: вставил в них замки, многие забил гвоздями.

Дя упокоения

О состоянии дел в приюте аптекарь позднее доложил господину городовому полицмейстеру полковнику Гельману. На этом, кажется, нервные стрессы для нашего героя должны были закончиться. Но когда прошло после того десять дней, с него почему-то вызыскали за разную расхищенную посуду 400 рублей, хотя, по словам аптекаря, «за то должен был отвечать эконоом» по своей должности. Не имея возможности как-то выбраться из неприятностей, Гельвинг подавал прошение к самой императрице Марии Феодоровне об увольнении его с должности «для успокоения себя и поправления здоровья...» В этой бумаге он описал пережитые при французских кошмары.

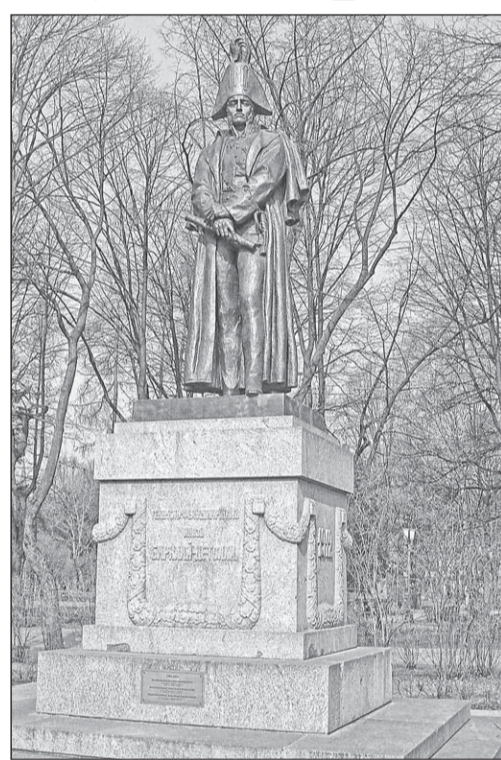
Разоренное здание Странноприимного дома после войны было быстро восстановлено.

30 декабря 1812 года проводилось первое присутствие Совета учреждения. С этого же числа вновь стали поступать бедные в богадельню и в больницу, а накануне была освящена домовая Троицкая церковь.

Татьяна БИРЮКОВА,
москвичка.

ПАМЯТЬ

Дуб Барклая-де-Толли



Побережье Балтийского моря оказалось связано с войной 1812 года, с русскими офицерами, которые приезжали сюда для поправки здоровья, после наполеоновских войн. Особенно хорошо известно здесь имя фельдмаршала Барклая-де-Толли.

После войны 1812 года в Юрмалу в массовом порядке стали приезжать русские офицеры. Они по достоинству оценили мягкий климат в сочетании с основными лесами и сероводородными источниками. В истории Юрмалы есть интересная деталь. Говорят, что одним из первых, кто построил здесь виллу, был фельдмаршал Барклая-де-Толли. Может быть, это просто красивая легенда, но музейные работники подтверждают, что первые посетителями курорта были не только зажиточные рижане, курземские помещики, но и высший офицерский корпус русской армии.

История рода Барклаев-де-Толли тесно связана с Ригой. Прадед Михаила Богдановича, имевший мирную профессию адвоката, приехал в этот город еще в середине XVII века. Двоюродный брат фельдмаршала - Август Вильгельм в 1812 году исполнял обязанности бургомистра Риги. В конце 90-х годов XVIII века сам Барклая-де-Толли командовал полком, расквартированным в районе Слоки. В этих же местах Юрмалы, но уже после войны 1812 года, император Александр I наградил князя генерал-фельдмаршала Михаила Богдановича Барклая-де-Толли землями.

Известно, что во многих сражениях Михаил Богданович был ранен, и он, конечно же, нуждался в серьезном санаторно-курортном лечении. В этом Юрмала могла помочь. Вполне вероятно, что к Барклаю-де-Толли потянулись потом сослуживцы, однополомные, друзья... Конечно, первое время не приходилось и мечтать о каких-то удобствах. До побережья Балтийского моря надо было добираться на дилжансах, останавливаться на стой в рыбачьих домиках. Но очень быстро картина менялась. Мода на морские купания, охватившая Европу в XVIII веке, хорошо принялась на российской почве в XIX веке. Первым курортным местечком считается поселок Дубулы, где в канун 1813 года появились первые купальни и где возле станции Барклая-де-Толли посадили дуб.

А вот фельдмаршал Барклаю-де-Толли, русскому фельдмаршалу и военному министру России с 1810 по 1812 год, командующему русской армией в войне 1812 года назначению на этот пост М. И. Кутузова, поставлен в Риге. Он был воздвигнут в 1913 году, в дни празднования столетия войны, в центре города, в парке, на пересечении улиц Бривибас (раньше Александровский бульвар) и Елизабетас. Он простоял совсем немного и во время Первой мировой

войны был вывезен вглубь страны, где затерялся. Куда он делься, неизвестно до сих пор.

Долгие годы на месте стояла лишь постамент с надписью «Фельдмаршалу князю Барклаю-де-Толли». Рядом был памятник Ленину. Пустой постамент, говорят рижане, был печальным укором основоположнику марксизма, забывшему о герое-полководце. Рижские школьники любили забираться на постамент и фотографироваться в героических позах. Существовала легенда, согласно которой школьник, постоявший на постаменте час, успешно сдаст экзамен по истории на пятерку. Из желающих постоять «на Барклае» собиралась очередь. И свидания у этого постаментка тоже назначали.

Соорудить в Риге памятник одному из героев Отечественной войны 1812 года, уроженцу Лифляндии, князю и генерал-фельдмаршалу Барклаю-де-Толли решила Рижская городская дума на своем заседании 19 сентября 1911 года. В решении было сказано: «В ознаменование столетней годовщины изобретения России от нашествия Наполеона». Место было выбрано прекрасное - в сквере около кафедрального собора. Дума ассигновала на эти цели 25 тысяч рублей. Кроме того, жители Прибалтийского края собрали по подписке еще столько же. На объявленный конкурс было представлено 43 проекта памятника под разными девизами. Большинство было прислано из-за границы, из Германии.

Представленные на конкурс проекты поразили своим разнообразием. Жюри единогласно отдало свои симпатии трем памятникам Барклаю-де-Толли одного и того же автора - профессора скульптуры В. Бандшнейдера-Шарлоттенбургга из Берлина, присудив ему все три первые премии с общей суммой в три тысячи рублей. Все три проекта были задуманы очень просто: на каменном пьедестале высится во весь рост и в военном генеральском костюме статуя Барклая-де-Толли. Разница между тремя проектами была в позе и в одежде. Был выбран тот, где Барклая в шинели обиды курорта опирается на саблю и смотрит вперед мужественно и просто. 9 сентября 1912 года состоялась торжественная закладка памятника. В торжествах участвовала гражданская и военная администрация города, войска местного гарнизона, различные местные организации, многочисленное население Риги.

Торжественная церемония открытия памятника состоялась лишь 13 октября 1913 году. Бронзовый полководец предстал перед собравшимися во весь свой могучий рост, спокойно стоящим, с фельдмаршалским жезлом в правой руке, согнутой в локте, в генеральском мундире, плаще и треуголке с султаном, надетой на глаза. Он простоял в Риге до 1915 года, когда над столицей Лифляндии нависла угроза оккупации немецкими войсками в Первую мировую войну.

Восстановить памятник Барклаю-де-Толли решил на собственные средства в 2001 году известный рижский предприниматель Е. Я. Гомберг. В закрытом фонде музея Риги хранилась авторская гипсовая масштабная модель, сохранились фотографии памятника. По этим документам скульптор А. А. Мурзин из Санкт-Петербурга воссоздал почти пятиметровую статую Барклая-де-Толли, привнес в нее свое понимание образа этого прославленного русского полководца. Сохранившийся пьедестал тоже обновили. И 1 июля 2002 года на том же самом месте, в сквере возле кафедрального собора, состоялось открытие бронзового монумента.

В эти дни в Риге в Национальном музее истории Латвии открыта выставка «Время Наполеона и Латвия». На ней представлены интересные документы, гравюры, портреты. Конечно же, наряду с портретами Александра I и Наполеона есть портрет Михаила Барклая-де-Толли. Есть фотография, на которой запечатлен пожар в Риге. А вот дуб, который, говорят, посадил возле здания станции Дубулы Барклая-де-Толли, я нашла. Он и сегодня растет на том же месте.

Берта БУХАРИНА.

СВИДЕТЕЛЬСТВА

Последняя
литургия

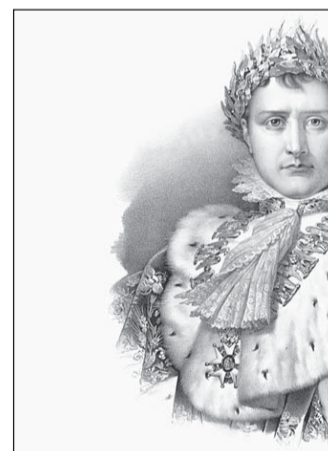
1 сентября, когда Церковь празднует новолетие, преосвященный Августин служил последнюю литургию в Успенском соборе и при всеобщем плаче сказал со слезами по окончании службы: «Скорю ли Господи удостоит нас служить в этом храме?». Вечером того же дня после совета в Филях, когда решение оставить Москву было сообщено Ростокинну, вывезены были главные московские святыни: иконы Владимирской Божией Матери из Успенского собора и Иверской от Воскресенских ворот; и около 200 тысяч раненых. В ночь на 2 сентября началось отступление нашей армии через Москву на Рождественскую заставу.

В. И. КОМАРИЦКИЙ.

¹ Московский генерал-губернатор.

Из фондов библиотек

Он ничего не боялся



*Je m'attachais à avoir pour moi de la bonté divine
de la bonté humaine et de la bonté des hommes
de la bonté des animaux et de la bonté de la nature
de la bonté des choses et de la bonté des hommes
de la bonté des choses et de la bonté des hommes
de la bonté des choses et de la bonté des hommes
de la bonté des choses et de la bonté des hommes*

В отделе редких книг ЦУНБ им. Н. А. Некрасова хранится французское издание «Собрание портретов современников с автографами. 1789 - 1820». Одно из первых мест в нем занимает портрет Наполеона с образом его по черка. В сувенирном календаре, выпущенном сотрудниками редкого фонда Некрасова, императору посвящен месяц март, а ниже - краткая биография, составленная по материалам из старинных источников:

«Известно, что предки Наполеона Бонапарта происходят из германского рода, с XI века обосновавшегося в Италии. В XVIII веке одному из потомков с острова Корсика удалось подтвердить права на дворянство, хотя в реальности они мало отличались от небогатых корсиканских крестьян. Отец Наполеона, получив блестящее для корсиканца своего времени юридическое образование, и обладая, как пишут, непомерным честолюбием, приложил все силы, чтобы устроить сыновей на учебу во Францию. После смерти отца обеспечение семьи взял на себя шестнадцатилетний Наполеон. Став императором Франции, он посадил всех восьмерых братьев и сестер на европейские престолы, а матери назначил огромное содержание и окружил пышным двором. Она последовала за ним в ссылку на остров Эльбу, во время «Ста дней» триумфально вернулась в Париж. После Waterloo ее взял под свое королевство римский папа.

Характер Наполеона сказывался с раннего

детства, так что ему прочили военную карьеру. Впоследствии он вспоминал: «Я был склонен к ссорам и дракам, я никого не боялся. Одного я бил, другого цапал, и все меня боялись». Особых успехов при обучении он добился в математике. Просвещен был в самых разных областях знания: от путешествий, географии, военного дела до истории, философии, политики. Его любимыми авторами были Плутарх, Платон, Цицерон, из современников - Вольтер, Руссо. «Я работаю всегда, работаю во время обеда, работаю, когда я в театре; я просыпаюсь ночью, чтобы работать», - неоднократно говорил он о себе. О своей гениальности он упоминал с легким налетом иронии, больше гордился своим колоссальным работоспособностью.

Административные, правовые и военные реформы Наполеона по сей день лежат в основе современного европейского государства. Его военный гений был таков, что, выпущенный из Парижской военной школы в чине поручика, он за 10 лет прошел всю армейскую иерархию. Воевал с семью антифранцузскими коалициями. Последняя коалиция европейских монархов окончательно разбила его. Сосланный на остров Св. Елены под британский надзор, в течение этого же года Наполеон диктовал секретарям военно-исторические и литературные сочинения и мемуары. Прах его захоронен в парижском Соборе Инвалидов».

Юлия НИКОЛЬСКАЯ.

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:

Руководитель проекта -

Шеф-редактор -

Выпускающий редактор -

Макет -

Арнольд Сидоров

Оксана Мерзликина

Верстка -

Корректура -

Иллюстрации -

Телефон для связи

e-mail

Анна Некрасова

Ирина Кутина

Александр Акулинин

8(499)259-10-15

egorin@mospravda.ru

Распространяется бесплатно.